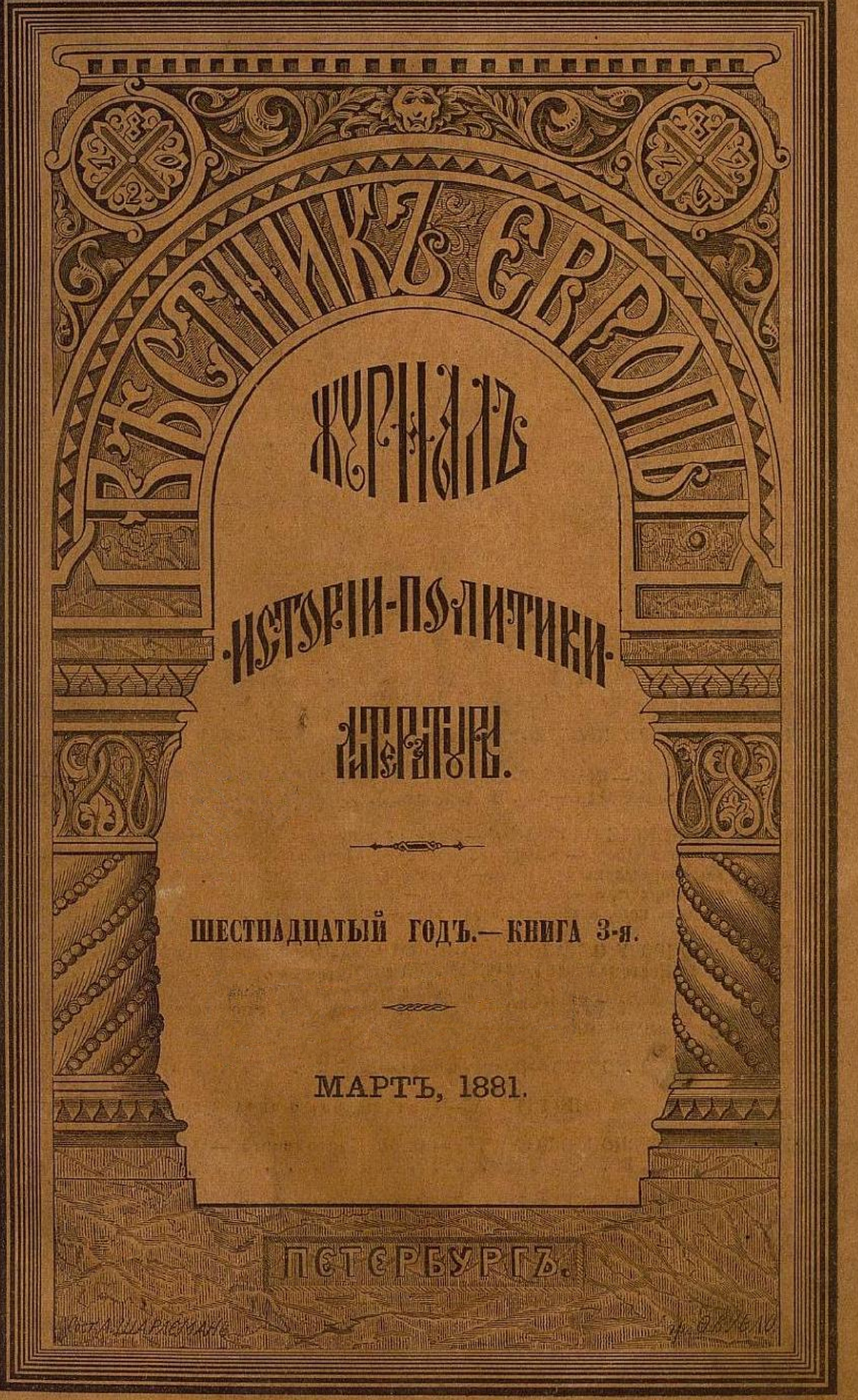

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин. 7.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1881.

Объ изданіи, подъ общею редакціею, въ 1881 г., журнала „Вѣстникъ Европы" и ежедневной газеты „Порядокъ"—см. ниже, на оберткѣ.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1881

ПО ВОПРОСУ О МАЛОРУССКОМЪ СЛОВѢ

„Современнымъ Извѣстіямъ".

Въ прошломъ нумерѣ „Вѣстника Европы" напечатана была наша статья о малорусскомъ словѣ, и во многихъ газетахъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, также появились статьи все въ одномъ духѣ, выражающія полное желаніе снятія всякаго запрещенія съ малорусскаго нарѣчія и предоставленія совершенной свободы писать на немъ. Никто не отозвался сколько-нибудь несогласно съ этимъ желаніемъ. Наконецъ, мы встрѣтили въ „Современныхъ Извѣстіяхъ" иного рода отзывъ по этому предмету. Собственно, авторъ, писавшій статью эту, въ сущности соглашается, что всякія стѣснительныя мѣры противъ малорусскаго слова слѣдуетъ немедленно отмѣнить, но вмѣстѣ съ тѣмъ, „Современныя Извѣстія" чѣмъ-то недовольны, въ чемъ-то сомнѣваются, чего-то хотятъ или чего-то не хотятъ... Мы вообще довольны, что въ этомъ вопросѣ газета „Современныя Извѣстія" нарушаетъ общій унисонъ, потому что во всѣхъ вопросахъ, гдѣ только можетъ возникнуть впослѣдствіи какое-нибудь недоразумѣніе, всегда желательно, чтобъ не забывалась латинская поговорка: „audiatur et altera pars". Одиноко остающаяся сторона легко можетъ увлечься черезъ край своимъ убѣжденіемъ, какъ и противная ей сторона своимъ собственнымъ, и только чрезъ сопоставленіе доводовъ той и другой всего удобнѣе можетъ открыться истина. Но въ такихъ случаяхъ польза возможна только тогда, когда обѣ противныя между собою стороны будутъ опровергать другъ друга добросовѣстно, имѣя въ виду только то, что̀ дѣйствительно есть у противника, а не навязывая послѣднему того, чего тотъ не говорилъ, не желалъ и не думалъ. Московская газета поступила въ этомъ случаѣ именно такимъ образомъ.

Московская газета сомнѣвается, чтобъ существовало запрещеніе разговаривать ученикамъ на привычномъ нарѣчіи, а учителямъ преподавать. Очень сожалѣемъ, что почтенная газета такъ мало знакома съ предметомъ, о которомъ взялась разсуждать, что можетъ сомнѣваться въ такомъ общеизвѣстномъ фактѣ. Мы такъ вотъ ни мало не усумнились, прочитавши на 897 страницѣ февральской книжки „Вѣстника Европы" объ удаленіи народнаго учителя отъ должности за то, что онъ перевелъ по-малорусски двѣ фразы изъ

евангелія Матѳея. Мы не сомнѣваемся въ истинѣ такого факта, потому что еще прежде давно слыхали о немъ, и кромѣ того намъ по слухамъ, исходящимъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, извѣстно не мало возмутительныхъ примѣровъ въ родѣ, хоть бы, напримѣръ, такого, что исключаютъ народнаго учителя за то, что онъ далъ на прочтеніе своему знакомому книжку на малорусскомъ языкѣ, одобренную цензурою. „Современныя Извѣстія", по поводу запрещенія произносить проповѣди на малорусскомъ нарѣчіи, выражаются: „дозволены ли цензурою поученія на мѣстномъ нарѣчіи—не знаемъ; если запрещены, то это—крупная ошибка, мало того—крупная несправедливость". И тутъ опять-таки приходится удивиться: какъ это газета, не зная такого факта, взялась говорить о малорусскомъ словѣ. Кромѣ того, что произнесеніе проповѣди по-малорусски въ церквахъ строго воспрещено, самый способъ разрѣшенія всякихъ проповѣдей для чтенія въ храмахъ таковъ, что не способствовалъ бы малорусскому проповѣдничеству даже и тогда, если-бъ не существовало тяжелаго запрещенія, котораго нарушеніе повлекло бы теперь священника даже къ лишенію сана. Священникъ, какъ городской, такъ и сельскій, не иначе можетъ народу произносить проповѣдь своего сочиненія, какъ представивъ ее предварительно на судъ своего мѣстнаго архіерея. Неправда ли, какъ это удобно, когда священнику придется иногда ѣхать сотни верстъ въ губернскій городъ, гдѣ пребываетъ его епархіальное начальство? Допустимъ, что этотъ благочестивый подвигъ совершенъ, но какого компетентнаго суда можетъ ожидать священникъ отъ архіерея, который самъ происхожденія великорусскаго, не знаетъ, да и знать не считаетъ нужнымъ мѣстнаго нарѣчія, притомъ нерѣдко окруженъ привезенными съ собой или вызванными изъ великорусскаго края священниками?

По мнѣнію газеты „Современныя Извѣстія", запрещеніе употреблять малороссійскіе учебники есть только противодѣйствіе искусственному отклоненію дѣтей отъ великорусскаго языка, а желаніе вводить малороссійскіе учебники можетъ исходить только изъ желанія поставить возможно непроходнѣе стѣну между малороссіяниномъ и русскимъ вообще, отвести малороссійское дитя отъ соблазна знать и изучать языкъ, общій остальнымъ его соотечественникамъ. Но не мы ли, въ нашей статьѣ, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы", указывали, что было бы полезно въ учебникахъ, предназначенныхъ для народнаго обученія, при русскомъ текстѣ, въ виду неудобопонятности русскаго литературнаго языка, прилагать текстъ малорусскій, и такимъ образомъ, учащійся, лучше понимая предметъ, которому учится, будетъ въ то же время имѣть возможность учиться и русскому языку? Мы увѣрены, что едва ли отзовутся украинофилы,

которые нашли бы такой способъ нежелательнымъ, ради того, что онъ содѣйствуетъ распространенію книжнаго русскаго языка между малороссами. Неужели же предлагаемый нами способъ имѣетъ, какъ говоритъ газета „Современныя Извѣстія", конечную цѣль „оградить дитя отъ соблазна чужихъ звуковъ, отчудить его отъ его согражданъ и добавимъ—лишить его развитія"? Вотъ что значитъ, какъ мы выше замѣтили, недобросовѣстно навязывать противнику такія мнѣнія, какихъ тотъ не заявлялъ, и потомъ спорить, какъ будто съ противникомъ, въ сущности же съ собственными измышленіями. Наша цѣль была именно способствовать скорѣйшему и правильнѣйшему усвоенію не только того, что̀ излагается на русскомъ книжномъ языкѣ, но и самаго языка!

Совершенно права газета „Современныя Извѣстія", говоря, что „русскій книжный языкъ есть никакъ не великорусскій и что этимологія и синтаксисъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ совершенно другіе, нежели въ литературномъ языкѣ". Это самое мы говорили въ указанной выше нашей статьѣ, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы", признавая отличія отъ литературнаго языка не только въ русскихъ нарѣчіяхъ, но и вообще во всей рѣчи великорусскаго простолюдина, и въ этихъ видахъ находили необходимымъ, чтобы учебныя книги, назначенныя для обученія сельскихъ дѣтей, писались на языкѣ, болѣе подходящемъ къ простонародной рѣчи и наиболѣе удаленномъ отъ книжныхъ реченій и оборотовъ, а въ тѣхъ областяхъ, гдѣ отмѣны нарѣчій и говоровъ наиболѣе ощутительны, полагали умѣстнымъ, если учителя будутъ приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ въ своихъ изустныхъ объясненіяхъ. Но такой способъ непримѣнимъ одинаково тамъ, гдѣ господствуетъ нарѣчіе малорусское, по причинѣ слишкомъ громадной массы объясненій, необходимыхъ при мѣстныхъ отличіяхъ, и потому-то мы не находили иного способа, какъ прилагать, вмѣстѣ съ русскимъ изложеніемъ предмета, и малорусское. Взглядъ газеты „Современныя Извѣстія" прямо приводитъ къ тому, что̀ было предлагаемо нами. Между тѣмъ, эта газета, какъ видно, недовольна нашимъ способомъ, когда въ желаніи вводить малорусскіе учебники подозрѣваетъ „желаніе поставить, сколько возможно, непроходную стѣну между малороссіяниномъ и русскимъ". Неужели все это происходитъ отъ незнанія предмета, разсуждать о которомъ авторъ этой газетной статьи некстати взялся? Да, видно по всему, что онъ его не знаетъ. „Представимъ", продолжаетъ газета „что бѣлорусскій, куда бѣлорусскій—даже калужскій и смоленскій патріотъ, даже московскій, возымѣлъ намѣреніе и осуществилъ его—написать учебники для окрестныхъ ребятъ съ мѣстнымъ говоромъ, съ „ничаво" „дѣлаицця", и т. п. Не поставлена ли будетъ бѣдному дитяти только

застава, черезъ которую ему трудно будетъ перепрыгнуть къ литературному языку, а слѣдовательно къ общенію со всероссійскою мыслію, а чрезъ нее и съ развитіемъ всего человѣчества".

Изъ этихъ словъ яснѣе, чѣмъ изъ предъидущаго видно, что писавшій такія строки не имѣетъ точнаго понятія о томъ, о чемъ взялся судить. Ему кажется, что малорусское нарѣчіе есть такой же говоръ, какъ смоленскій, калужскій и даже московскій, гдѣ все отличіе отъ литературнаго языка ограничивается какими-нибудь „ничаво" „дѣлаицця" и тому подобное. Такъ думать, конечно, можетъ только тотъ, кто слыхалъ только или читалъ, что гдѣ-то, на югѣ россійской имперіи, есть какіе-то малоруссы, но самъ, въ своей жизни не видалъ ни одного „хохла" и не слыхалъ его рѣчи народной. А такому господину не надобно и толковать о малорусскомъ нарѣчіи, иначе онъ станетъ въ такое смѣшное положеніе, что будетъ спорить противъ того, съ чѣмъ самъ, какъ послѣ увидитъ, напередъ уже согласился. Такъ и вышло съ авторомъ статьи, помѣщенной въ „Современныхъ Извѣстіяхъ". Эта статья заранѣе заявила, что не слѣдуетъ запрещать ни перевода священнаго писанія, ни произнесенія проповѣдей по-малорусски, ни сценическихъ представленій на мѣстномъ нарѣчіи, „а о книгахъ, выписываемыхъ для ученаго употребленія, нечего и говорить", прибавляется въ этой же газетной статьѣ.

Но вѣдь мы чего же еще больше добиваемся?

Авторъ газетной статьи ни съ сего ни съ того вздумалъ доказывать, что переводить евангелія и всего богослуженія на малороссійскій языкъ для употребленія въ малороссійскихъ церквахъ не слѣдуетъ, и несомнѣнно самъ малороссійскій народъ воспротивился бы такому расколу! Но о такомъ расколѣ никто не заявлялъ, никому даже и въ голову онъ не входилъ; говорилось только о переводѣ на малорусское нарѣчіе священнаго писанія для народнаго чтенія, точно такъ какъ оно переведено на литературный русскій языкъ, хотя богослуженіе продолжаетъ оставаться на церковно-славянскомъ. Но вѣдь сама газета въ той же статьѣ заявила, что „не понимаетъ, за что запрещать книгу Іова или какую угодно изъ библіи на малороссійскомъ языкѣ". А если такъ, то изъ за чего же сыръ-боръ загорѣлся? Зачѣмъ нужно было и писать обо всемъ этомъ?

Авторъ статьи, о которой идетъ рѣчь, указываетъ, однако, что его расположили къ этому глубокомысленныя политическія соображенія. Стѣснительныя мѣры противъ малороссійскаго нарѣчія — говоритъ онъ—истекли вѣроятно изъ желанія противодѣйствовать тому походу противъ русской народности, который ведется не со вчерашняго дня доброю нашею сосѣдкою за Бугомъ и Днѣстромъ. Австровенгерскому правительству не очень пріятно, что въ его землѣ есть

болѣе трехъ милліоновъ русскаго населенія. Оно придумало остроумный способъ отъучить своихъ русскихъ подданныхъ отъ мысли, что они русскіе. Оно назвало ихъ рутенами, Ruthenen, издаетъ поощрительныя мѣры, чтобы азбука у нихъ была не общая съ нами, русскими, а отличнаго начертанія, и главное, чтобы правописаніе какъ можно далѣе отходило отъ этимологіи и повторяло фотографически говоръ. Были и есть попытки пропагандировать эту новую народность и въ предѣлахъ Россіи: есть старанія протискивать къ намъ книжки въ этомъ смыслѣ, а кстати распространять въ деревняхъ и портреты австрійскаго императора... благоразуміе требовало бы отъ нашихъ украинофиловъ не давать себя смѣшивать съ австрійскими сочинителями рутенской народности. А къ сожалѣнію видимъ обратное. Въ числѣ печалованій читаемъ печалованія и о правописаніи... Правописаніе въ настоящемъ случаѣ есть не просто правописаніе, а политическое знамя.—Подъ правописаніемъ этимъ газетная статья разумѣетъ кулешовку, способъ правописанія, введенный г. Кулишомъ и теперь признаваемый газетою „Современныя Извѣстія" „смѣшнымъ, дѣтскимъ, крайне ненаучнымъ и попросту сказать невѣжественнымъ".

Мы не знаемъ о попыткахъ Австро-Венгріи пропагандировать въ предѣлахъ Россіи какую-то новую народность, не знаемъ о распространеніи въ деревняхъ портретовъ австрійскаго императора; политическими вопросами мы не занимаемся и вообще были и остаемся такого мнѣнія, что не слѣдуетъ впутывать политики въ вопросы, касающіеся чисто этнографіи и лингвистики. Но видимъ, что, ступивши на эту стезю, авторъ статьи, помѣщенной въ „Современныхъ Извѣстіяхъ", оказывается, можетъ быть, мимо собственнаго желанія, такъ же несвѣдущимъ въ исторіи, какъ показалъ себя въ этнографіи и лингвистикѣ. Слово „рутены" выдумано не въ недавнее время и не австро-венгерскимъ правительствомъ; вы его можете встрѣтить во множествѣ въ разныхъ средневѣковыхъ сочиненіяхъ въ значеніи русскихъ вообще. Что касается до правописанія кулешовки, то измышлено оно было безъ всякаго соотношенія съ Австро-Венгріею. Его происхожденіе имѣло вотъ какой источникъ: въ малороссійскомъ нарѣчіи произношеніе и употребленіе буквъ, выражающихъ звуки твердаго и мягкаго *и*, представляютъ большія отмѣны противъ великороссійскаго, а потому и затрудненія при выраженіи ихъ общею русскою азбукою. Отсюда у писателей малорусскихъ возникли разныя попытки выражать эти звуки; произошла путаница; чуть не каждый писатель выдумывалъ свое собственное правописаніе, и г. Кулишъ вздумалъ прекратить этотъ безпорядокъ тѣмъ, что ввелъ—мягкое *и* выражать буквою *і*, а твердое буквою *и*. Этотъ способъ былъ повсемѣстно усвоенъ, и у насъ въ Россіи, и въ Галичинѣ. Мы, собственно,

никогда не признавали этого способа вполнѣ удовлетворительнымъ, такъ какъ онъ не выражалъ существующей связи малорусскаго нарѣчія съ церковно-славянскимъ и съ русскимъ нарѣчіями. Нѣкогда, еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, задолго до появленія г. Кулиша на литературномъ поприщѣ, мы употребляли правописаніе Максимовича и хотя впослѣдствіи, когда издававшійся въ Петербургѣ журналъ „Основа" принялъ правописаніе Кулиша, приняли и мы его ради того только, чтобъ не дѣлать раскола въ литературѣ; но въ недавнее время, представляя въ академію наукъ сумму на премію составителямъ малороссійскаго словаря, заявляли, что удобнѣе всего, при печатаніи означеннаго словаря, употребить правописаніе Максимовича, а не Кулиша, и мнѣніе наше было принято во вниманіе. Поэтому мы ужъ никакъ не возьмемъ на себя защищать и оправдывать кулешовку; но чтобъ оно было, какъ говорятъ „Соврем. Извѣстія", не просто правописаніе, а политическое знамя—это призракъ, одинъ изъ такихъ призраковъ, какихъ созидать не слѣдуетъ, потому что малознающіе суть дѣла могутъ такой призракъ принять за что-то имѣющее вещественныя качества. Совѣтъ „Современныхъ Извѣстій" украинофиламъ—не смѣшивать себя съ австрійскими сочинителями „рутенской" народности, не можетъ быть принятъ, потому что этотъ совѣтъ показываетъ только незнаніе совѣтодателя предметовъ, о которыхъ онъ берется разсуждать. Новосозидаемой рутенской народности нѣтъ; рутенами, какъ уже мы сказали, называли въ средніе вѣка вообще русскихъ всѣхъ; теперь же это названіе удержалось у нѣмцевъ австрійскихъ для обозначенія той части русскаго племени, которая вошла въ Австро-Венгерскую державу. Газета, о которой идетъ рѣчь, говоритъ далѣе: „сколько помнимъ, правительственный циркуляръ о малороссійской литературѣ не стѣсняетъ правописанія этимологическаго, то-есть заявляющаго о своей связи съ русскимъ письменнымъ и остальными славянскими языками". Мы этого циркуляра не читали, но слышали въ цензурѣ, что, напротивъ, допускается только способъ, который бы обыкновенными русскими буквами выражалъ малорусское произношеніе, и встрѣчавшіяся печатныя мѣста по-малорусски показывали употребленіе именно такого способа, а не этимологическаго, обработаннаго Максимовичемъ съ трехугольными значками надъ ô и ê. Этотъ способъ правописанія тоже фонетическій, какъ и кулешовка: между ними разница только та, что одинъ для твердаго *и* употребляетъ букву *и*, другой же — букву *ы*, выражая буквою *и* мягкое ея произношеніе. Газетная статья „Современныхъ Извѣстій", съ свойственнымъ ей незнаніемъ того, о чемъ толкуетъ, сообщаетъ, что по правописанію Кулиша слово волъ пишется вілъ, вмѣсто того, чтобъ писать, какъ предлагалъ Максимо-

вичъ, вóлъ; и это указываетъ на желаніе намѣренно затруднять догадку о томъ, что вiлъ есть родное слово и другимъ нарѣчіямъ (?!). Но Максимовичъ предлагалъ писать не вóлъ, а вôлъ, что у него значитъ совершенно то же, что по кулешовкѣ вiлъ. Между тѣмъ, наша почтенная газета пришла въ такой азартъ, что оканчиваетъ свою статью такою достойною покойнаго третьяго отдѣленія тирадою: „усилія русскихъ людей ввести вiла (помилуйте: его никакъ не введете, потому что вiлъ въ косвенныхъ падежахъ удерживаетъ о, и нельзя сказать вiла, но—вола) въ употребленіе среди русскихъ подданныхъ даютъ на себя неблаговидное подозрѣніе, и правительственныя противъ нихъ мѣры получаютъ смыслъ самаго законнаго самоограждения“. По этому одному финалу достаточно уразумѣть, чтó за рука, писавшая такія строки, и чтó за газета, помѣщающая ихъ на своихъ столбцахъ! Конечно, въ томъ же духѣ въ этой статейкѣ не обошлось и безъ поляковъ, которые пригодны, чтобъ ихъ притянуть всюду, когда хотятъ противнику поднести такого, чтó, по гоголевскому выраженію, значитъ: на вотъ, молъ, тебѣ, съѣшь! „Все это на руку (что же это? пропаганда какой-то небывалой рутенской народности съ кулешовскимъ правописаніемъ) и полякамъ, то-есть тѣмъ изъ нихъ, которые не забыли Рѣчи-Посполитой. Они тоже исповѣдуютъ, что Русь Волыни и Подоліи есть нѣчто другое, нежели Москва“. Поляки ли такъ говорятъ, а можетъ быть и другіе — во всякомъ случаѣ они здѣсь говорятъ правду. Не только Русь Волыни и Подоліи, но Русь Полтавщины и Харьковщины есть также нѣчто другое по своей народности, нежели Москва—въ этнографическомъ смыслѣ обитающей тамъ массы народонаселенія. Это правда и правды дѣть негдѣ. Неужели изъ-за того, что эту всѣмъ давно извѣстную правду говорятъ между прочими и поляки, мы должны отрекаться отъ нея и проповѣдывать ложь, измышленную московскими лжеславянолюбствующими политиканами!

Н. Костомаровъ.